



Владимир Кантор

Калининград, Россия, Европа: проблема понимания

Говоря о современных проблемах Калининграда и Калининградской области (КО), мы чаще всего остаемся на уровне эмпирии, чистых фактов и в лучшем случае политической их интерпретации и обработки. Еще хуже, когда КО становится предметом пиар-кампаний. Между тем калининградская проблема – проблема историософская, по меньшей мере геополитическая. И связана не только с десятком ближайших лет, но с перспективой исторической, сроки измерения которой существенно больше.

Конечно, легко показать, что Калининград не есть еще Европа, как, впрочем, несложно то же самое обнаружить на эмпирическом уровне и относительно многих других частей даже так называемой европейской части России. Дело в том, что почти на подкорковом уровне мы рифмуем европеизм с цивилизованностью – порядком и чистотой на улицах, чистотой и безопасностью наших подъездов, вежливостью «человека толпы», отсутствием в глазах встречных «спящего сознания», ибо «спящее сознание» – предпосылка любого варварского и жестокого поступка. Мы понимаем под европеизмом отсутствие коррупции, развитость демократических институтов, межнациональной толерантности и правового сознания. Конечно же, всего перечисленного у нас не так уж много. Но, если вдуматься, такое понимание европеизма слишком абстрактно. Ибо сама Европа в разных своих проявлениях имеет все те же недостатки, которые мы видим у себя.

Отсюда несложен переход к прямо противоположной позиции. Не надо нам европеизма, ибо в Европе то же самое, а то и хуже, и вообще европейцы Россию не признают своей, а всячески стараются унижить, т. е. европейцы плохие, а мы хорошие. Вот тут-то и вырастает, как главная проблема любой

историософской или геополитической ситуации, **проблема понимания**, или (с обратным знаком) **проблема непонимания**. Мы не будем здесь вдаваться в сложности герменевтики, посмотрим на дело проще.

Замечательный французский историк Марк Блок писал: «Мы всегда понимаем недостаточно. Всякий, кто отличается от нас – иностранец, политический противник – почти неизбежно слывет дурным человеком. Нам надо лучше понимать душу человека хотя бы для того, чтобы вести неизбежные битвы, а тем паче, чтобы их избежать, пока еще есть время. При условии, что история откажется от замашек карающего архангела, она сумеет нам помочь излечиться от этого изъяна. Ведь история – это обширный и разнообразный опыт человечества, встреча людей в веках. Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если встреча эта будет братской»¹. Понимание – это шаг не только к науке, но и к терпимости, а потому и к развитию и становлению прогресса в обществе.

Мы сейчас стоим перед проблемой понимания определенного рода, при этом весьма важной для судьбы страны. Речь идет о новой возможности для России вернуться в Европу, интегрироваться в европейскую экономику и политику, не забывая свои собственные интересы (кстати, в европейскую культуру мы интегрированы давно). И здесь именно калининградский остров оказывается чрезвычайно показательным и удачным местом. В мировой культурфилософии существует такое понятие – «бог места». Вот этот бог оказался чрезвычайно благорасположенным к этому углу Балтики.

Еще немецкий философ Гердер заметил, что для народов Северной Европы Балтийское море по своему культуросозидающему значению сыграло роль Средиземного. Благодаря янтарю прусское побережье стало известно грекам и римлянам, и какая бы народность ни жила на этих берегах, – писал философ, – она занималась художественным ремеслом и торговлей.

По словам Гердера, «ни в одной части света народы не перемешались так между собою, как в Европе, ни в одной они не переменились так сильно, переменяв место жительства, а вместе с тем и образ жизни, нравы и обычаи. Жителям многих стран было бы теперь трудно сказать, особенно отдельным семьям и лицам, к какому роду, к какому племени они при-

¹ Блок М. *Апология истории, или Ремесло истории*. – М., 1986. – С. 82.

надлежат, происходят ли они от готов, мавров, евреев, карфагенян, римлян, происходят ли они от гэлов, кимвров, бургундов, франков, норманнов, саксов, славян, финнов, иллирийцев и в каком порядке смешивалась кровь у их предков. Тысяча причин размыла и изменила на протяжении веков прежний племенной состав многих европейских наций, а без этого слияния едва ли мог бы пробудиться к жизни общий дух Европы»². Поэтому возможно в конечном счете Европе сужден как структурообразующий «федеративно-имперский принцип» (Г. П. Федотов), который собственно и реализуется сегодня в ЕС, а был выдвинут еще в начале XX века как лозунг Соединенных Штатов Европы.

Народы тасовались, славян вытеснили германцы, потом на Балтике утвердилась Петровская империя, Кенигсберг был то немецким, то русским (Кант какое-то время был подданным Елизаветы Петровны)³, то снова немецким и опять русским, но открытость миру определяла поведение жителей Балтики. Эта постоянная взаимопереплетенность народов балтийского побережья и есть та реальность, из которой надо исходить, строя культурную политику региона⁴.

Заметим, что в 50-е годы XX столетия польский поэт-эмигрант и Нобелевский лауреат Чеслав Милош, рождением связанный с Литвой и писавший о судьбе этого региона, полагал это место одним из трагичнейших мест на Земле. Напомнив, как в XIII в. «говорящие по-немецки почитатели Иисуса» истребили здесь пруссов с такой жестокостью, что «тот, кто слишком усердно вчитывался бы в реестр преступлений минувшего <...> поседел бы от ужаса»⁵, он с тяжелой тоской говорит и о событиях прошлого века: «Территория, соединяв-

² Гердер И. Г. *Идеи к философии истории человечества*. – М., 1977. – С. 476.

³ «Всесветлейшая, великодержавнейшая императрица, самодержица всех россиян, всемилостивейшая императрица и великая жена! <...> Всемилостивейшее расположение Вашего Импер. Величества оказывать наукам высочайшее покровительство и благосклонное попечительство побуждают меня верноподданнейше просить Ваше Импер. Величество соблаговолить милостиво определить меня на вакантный пост ординарного правительства. <...> Вашего Импер. Величества. Верноподданнейший раб Иммануил Кант. Кенигсберг, 14 декабря 1758 г.» (Кант И. *Трактаты и письма*. – М., 1980. – С. 505).

⁴ См. по этой проблеме последнюю и фундаментальную коллективную работу калининградских ученых: *Очерки истории Восточной Пруссии* (Кретинин Г. В., Брюшинкин В. Н., Гальцов В. И. и др.). – Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2002. – 536 с.

⁵ Милош Ч. *Порабощенный разум*. – СПб., 2003. – С. 239.

шая когда-то балтийские страны с Германией, то есть пограничье Восточной Пруссии, — пишет он, — была заселена коренными русскими; большой город в тех местах, Кенигсберг, в стенах которого родился и прожил всю жизнь Кант, переименован в Калининград и уже не отличается от Тулы или Самары»⁶. Единственным возражением тоске поэта может быть, во-первых, напоминание, что Тула — это родина великого писателя и мыслителя Льва Толстого, а стало быть, и не такого плохого рода, а во-вторых, соображение о непрестанной работе истории и того бога места, который, по словам Гердера, благодаря смешению в этом балтийском регионе разных народов творил дух Европы.

Сегодня говорят, что социально-культурные аспекты развития КО специфичны в силу переселенческого характера населения области, ее пространственной изолированности от основной части страны и соседства со странами, относящимися к Западной цивилизации. Здесь существуют сложные проблемы, но имеются и возможности получения нового опыта решения не только настоящих, но и будущих проблем с учетом налаживания в регионе взаимовыгодного международного сотрудничества. Опасаются также, что усилится противоборство цивилизаций на новой восточной границе ЕС, что КО, окруженная странами Евросоюза, станет эпицентром возможных столкновений. Есть и другой вариант общих ощущений: что во все большей мере будет преобладать взаимопроникновение цивилизаций и КО превратится в регион сотрудничества России и ЕС, в пример для других приграничных регионов с обеих сторон. Ответ на эти вопросы крайне важен для определения будущего Европы.

* * *

По словам калининградских ученых, «характерной психологической чертой большинства калининградцев является их постоянная и растущая озабоченность эксклавым положением региона. <...> Важную роль в оценке населением своего уровня жизни играет его сопоставление с соседними странами. Калининградская область существенно уступает уровню жизни населения соседних Литвы и Польши. Так, на среднемесячную зарплату калининградцев можно купить продуктов

⁶ Там же. — С. 245.

питания (в зависимости от вида) в 1,5 – 3 раза меньше, чем на среднюю зарплату в Литве»⁷. И далее, предупреждая о возможных трагических вариантах развития, они тем не менее понимают и реальность разрешения калининградских проблем: «Реальная угроза – это превращение области в депрессивную территорию. Однако возможности предотвращения такой нежелательной перспективы развития области имеются. Более того, есть все предпосылки для ускоренного ее развития путем превращения в регион взаимовыгодного сотрудничества РФ и ЕС <...> в новую форму экономического (а возможно, и социально-культурного) сообщества»⁸.

Осознать себя частью культурного балтийского региона, не в качестве случайных и временных насельников, а органической и долговременной константой этой части Северной Европы – такова задача КО. Немало европейских стран еще не вошли в ЕС, но от этого они не перестали быть представителями европейской культуры. И именно в области культуры Калининградская область должна показать и проявить, открыть в себе, в своей земле, в своем географическом положении свою европейскую сущность. Речь должна идти о восстановлении культурного европеизма, об органичной, если так можно сказать, европеизации калининградцев, которые уже потому, что являются частью России, тем более северной России, есть по сути своей жители Европы. При такой установке не может возникнуть даже мысли о возможном – сущностном – конфликте российского и западного варианта европейской цивилизации. Мелкие конфликты и противоречия, конечно же, неизбежны, но разрешение их всегда приводит к плодотворным результатам. Сложность этой позиции очевидна, но она же предполагает и продуктивное творческое решение проблем европеизации, что вполне возможно. По словам Арнольда Тойнби, «элементы культуры, вполне безвредные и даже благотворные на родной почве, могут оказаться опасными и разрушительными в чужом социальном контексте. С другой стороны, стоит чужеродным элементам утвердиться в новом окружении, они обретают тенденцию привлекать к себе другие элементы своей собственной

⁷ Клемешев А. П., Козлов С. Д., Федоров Г. М. *Остров сотрудничества*. – Калининград: Изд-во Калининградского государственного университета, 2002. – С. 117.

⁸ Там же. – С. 118-119.

культуры»⁹. Вот это постепенное возвращение-утверждение европеизма сумеет — рано или поздно — переработать и облагородить почвенные элементы переселенцев, чувствующих себя все еще на фронтире.

Надо сказать, что по большому счету положение Калининграда достаточно характерно. Ключевский замечал, что история России есть история колонизации неосвоенных земель, что Россия всегда на фронтире, как США. Насчет неосвоенности было сказано слишком резко. Могла на самом деле речь идти о неосвоенности некоторых пространств русскими переселенцами, туземцы жили там всегда. Калининградцы все переселенцы. Но в переселенцы всегда уходила самая энергичная часть народа. Сложность в том, что на этом месте жили немцы, люди вроде бы более высокой, по крайней мере материальной, культуры. Это рождает естественные комплексы. И здесь закономерно встает вопрос: а смеет ли Россия быть Европой? Откуда этот вопрос? На мой взгляд, здесь очевидно как наследие изоляционизма Московской Руси, смертельно боявшейся Запада, так и наследие не столь давней нашей жизни за тоталитарным железным занавесом, когда привитие западноевропейских добродетелей свободы и самодеятельности считались государственным преступлением.

При этом у калининградцев есть своя специфика, которой не нужно бояться, а которую нужно использовать (интуитивно, а то и сознательно она используется) — немецкое прошлое, сохранившееся даже в инфраструктуре ряда городов, поэтому предлагаемый путь европеизации должен опираться **на бюргерский опыт** Европы. То же самое и в области культуры. И это делается. Проводимые последние годы международные конференции, посвященные наследию великого немца Канта, позволяют не забывать о духовной близости русской и немецкой мысли.

* * *

Последние года два у нас стали твердить о «не-европейской карме» России. Мол, чего не дано этой стране, того уж не дано... Мол, место Европы уже занято самой Европой. Это пишет философ и писатель Александр Зиновьев, считающий русский

⁹ Тойнби А. Дж. *Постижение истории: Сборник* / Пер. с англ. / Сост. Огурцов А. П. — М.: Прогресс, 1991. — С. 578.

народ ошибкой эволюции. Но почему-то не думают о «**не-европейской карме**» **западной Европы**, которая все никак не может стать Европой, отвечающей в полной мере декларированным ею ценностям. Почему не думают об этом? Напомню высказывание В. С. Соловьева: «Европеец это понятие с определенным содержанием и с расширяющимся объемом»¹⁰. Путь к подлинной европеизации проходят все народы Европы и везде он сложен, ибо идеально развивающихся общественных структур и состояний не бывает.

Единственная альтернатива катастрофическому решению нашей страной мировых вопросов, решению, ведущему к мировому катаклизму, — идеология русского европеизма. Та идеология, что позволяет **критически** смотреть и на Россию, и на Запад, ибо обе эти части Европы — родные для русского европейца, а потому он имеет право желать их улучшения. Но это критика, не похожая на ту, с какой «русские патриоты» подходят к Западу, а западные шовинисты к России, — чтобы уничтожить противника. Это — внутренняя самокритика европейской культуры, способствующая тому, чтобы **во всем европейском мире** можно было существовать **нормально**. Тогда и сбудется желание одного русского поэта — **жить в Европе, не выезжая из России**.

Я полагаю, что реализм, отказ от идеализации как Запада, так и Востока Европы (включая сюда и Россию), понимание сложностей и жестокостей европейского исторического пути — необходимая предпосылка для формирования чувства личного достоинства, столь значимого для самоощущения сегодняшнего русского человека, являющегося не просто потребителем западных технических усовершенствований (такова позиция варвара), а со-творцом тех ценностей, которые рождаются в лоне личностной европейско-христианской культуры. Стоит привести высказывание современного европейского историка Реми Брага: «Я бы сказал европейцам: „Вы не существуете! Европейцев нет в природе. Европа — это культура. А культура есть работа над собой, возделывание самого себя, усилие по ассимиляции того, что превосходит индивида. Следовательно, Европу невозможно унаследовать, каждый должен ее сам завоевывать. Нельзя родиться европейцем, можно трудиться, чтобы им стать...” Обращаясь теперь к не-европейцам, я могу сказать: „Вы тоже не существуете!” Нет в при-

¹⁰ Соловьев В. С. *Три разговора* // Соловьев В. С. *Собр. соч. в 10-ти т.* — Т. 10. — СПб., б. г. — С. 150.

роде — не-европейцев. Весь мир, к счастью или к несчастью для него, изъезжен европейцами, он задет европейским (в нейтральном смысле слова), теми феноменами, которые пришли из Европы. Перед лицом этих явлений весь остальной мир, если можно так сказать, следует тому же образцу, что и „уже“ европейский мир (или себя таковым считающий)... Если европейскость является культурой, то <...> Европа не должна представлять себя в качестве образца, напротив, она должна ставить перед собой, как и перед всем миром, задачу европеизации»¹¹.

Наши патриоты радостно уверяют, что теперь Запад, разумеется, рухнет, поскольку ему перестала противостоять мощная милитаризованная сверхдержава, рухнет под тяжестью собственного благополучия, разорванный своими противоречиями, ибо теперь он не может выместить внутреннее напряжение на внешнем враге. Я бы на это сказал, что стабилизация и благополучие были скорее вопреки, нежели благодаря противостоянию: холодная война требовала невероятных трат на военные расходы, на содержание спецслужб и разнообразных советологических институтов и учреждений. Благополучие это было для Запада опасно и чревато остановкой прогресса, которая возникает в результате сытости и духовной успокоенности. Развал советской империи, вхождение в демократическое сообщество целого ряда восточноевропейских стран заставили западное общество вернуться к проблемному существованию, опять искать нового способа преодоления исторических трудностей. «Мировая история, — замечал австрийский культуролог Вольфганг Краус, — кажется, измыслила для Запада спасительный, едва ли не целительный кризис, который с помощью терапии всевозможных потрясений и опасностей, даже шока, заставляет Запад вновь осознать себя и вступить в новый период развития»¹².

* * *

Смысл этого нового периода в дальнейшей «европеизации Европы», превращении ее в некое противоречивое, но достаточно гармоничное целое, соединяющее воедино восток и запад Европы. Только на этом пути возможно будущее для

¹¹ Браг Р. *Европа. Римский путь*. — Долгопрудный, 1995. — С. 121-122.

¹² Краус В. *Европа будущего*. — СПб., 1995. — С. 125.

человечества, отягощенного слишком большим количеством смертоносного оружия, способного много раз уничтожить всякую жизнь на планете. Европа поначалу была всего лишь небольшой частью Азии. Она возникла как некое культурно-историческое образование на крошечном полуострове, с тех пор постоянно расширяя свои пределы посредством прежде всего культурно-экономической экспансии и включения всех иных регионов земного шара в свою историческую парадигму. Основой этой парадигмы была ориентация на самостоятельную творческую личность. Причем эта ориентация, родившаяся в греческой Античности, стала **основой** и христианского миропонимания, ибо Бог обращается к **каждому** и **каждому** обещает спасение. Зато и **каждый** несет всю полноту ответственности за свое жизнеповедение. К несчастью, разорванность христианской идеи на разные конфессии нарушала и принцип свободы личности, которая обязывалась служить именно данной конфессии, а не Богу.

Христианство по достаточно распространенной культурно-философской точке зрения есть одна из базовых составляющих европейской сущности, европейской истории. Не случайно Европу в Средние века именовали *Corpus christianum*.

XX век особенно резко и жестоко разрушал эту основу, опираясь на принцип коллективизма, принцип торжества масс. Были разрушаемы христианские принципы как на западе, так и на востоке Европы. XX век был ознаменован не просто дехристианизацией, «убийством Бога», которое предсказывал Достоевский и подтвердил Ницше, но ударом по этому, самому главному — личностному — принципу, на котором строилась европейско-христианская цивилизация. Победа масс показала непродуктивность общинной установки. Но противостояние всех ветвей христианства тоталитаризму — в принципе — усилили в прошлом веке и идею экуменизма. Но, повторяю, есть места, где сходятся принципиальные возможности человеческого развития. Калининград и в этом смысле одно из таких мест. Чрезвычайно важной поэтому является для региона **религиозная модель**. Калининград, имеющей на сравнительно небольшой территории (а вонне рядом совершенно очевидно католическую Литву и Польшу, протестантскую Германию и т. п.) по меньшей мере три христианских конфессии, предрасположен к проведению осознанной и активной **экуменической политики**. Перенимая опыт петровских реформ, необходимо помнить завет Петра, что для торго-

вого и поликультурного города также нужна укорененная в жизни и сознании жителей **идея толерантности**, без которой все попытки сделать КО модельной зоной европеизации обречены на провал. Отсюда возникает идея свободного выбора и, стало быть, встает проблема свободной личности.

Именно на этом принципе строится и современное образование. В Калининграде, надо сказать, имеется мощная база университета, бывшей Альбертины, — с давними традициями, которые возрождаются. Развивая, с одной стороны, историко-культурную память, связывающую данное «месторазвитие», т. е. КО, с его прошлым, что не может не обогащать духовную жизнь Калининграда, университет, с другой стороны, обладает мощными современными компьютерными технологиями, обеспечивающими прямой и быстрый контакт с окружающим миром. Очевидно, необходимо ставить вопрос о **языковом образовании**, ибо владение одним иностранным + русским (билингвизм), а то и большим количеством иностранных языков неминуемо станет жизненной, даже житейской потребностью и реальностью жителей КО.

Университет поможет созданию и поддержанию **элитарной культуры**, которая помимо массовой культуры является необходимой компонентой современного развивающегося общества. Элитная, «высоколобая» культура поддерживает и сохраняет уровень современных технологий и художественной жизни. Университет может стать первой площадкой для приглашенных деятелей культуры — писателей, философов, художников, наиболее интересных бардов.

А восстановление личностного принципа позволяет Европе найти инструмент и методiku надкультурного и наднационального единения человечества.

* * *

Обычно, желая сказать о невозможности межкультурных, западно-восточных контактов, вспоминают строчки Киплинга:

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,

Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.

При этом, как всегда у нас, по привычке к обрыву в цитатах, ради доказательства любой догмы, ни один автор, в том числе

и Киплинг, не только не додумывается, но просто не дочитывается до конца. Если додумать, то можно увидеть, что все вещи Киплинга о трудности, но **возможности встречи**. В самой невероятной и всеми любимой его «Книге джунглей» человеческий детеныш Маугли встретился с животным миром джунглей — и встреча состоялась. Более того, потом Маугли возвращается к людям — и эта встреча тоже удается. Об этом и роман «Ким», и другая его проза. Но встреча, по Киплингу, возможна только в том случае, если встречающийся выше своей стаи, **если он личность**. Поэтому, если дочитать первую строфу из «Баллады о Востоке и Западе», то ее продолжение звучит так:

Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,

Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает.

Личность сличностью найдут общий язык, — вот мысль поэта.

Вот это пропедевтическое указание позволяет обозначить принцип мирового развития, который предполагает выход человечества из первобытной племенной зависимости и переход его в стадию личностного развития, когда и Запад, и Восток, сохраняя свои особенности, тем не менее оказываются способны вступить в диалог. Мысль поэта была и глубока, и благородна, выражая сокровенный смысл толерантной и всеприемлющей европейской культуры, погнавшей Гогена на Таити, а Швейцера в Африку. Способность к диалогу — высшая стадия развития европейской цивилизации, которая в эпоху глобализации всех процессов стала потребностью мирового развития, чтобы по возможности избежать гибели человеческого рода. А отсутствие диалога, непонимание как раз и способно привести к апокалиптическому катаклизму. И надо сказать (раз уж прозвучало слово из Евангелия), что христианство и было первой в истории **попыткой** преодоления разрыва Востока и Запада, встречи Афин и Иерусалима, где устранялось различие между «эллином и иудеем».

У нас часто называют Россию Востоком, хотя, как говорил русский мыслитель теперь уже позапрошлого века (П. Я. Чаадаев), наши духовные, политические и культурные центры не на Востоке. Мы никогда не ориентировались ни на Китай, ни на Индию. Более того, если даже мы — Восток, то надо добавить — Восток Европы. Или, как говорил поэт Тютчев, **вторая Европа**, «законная сестра христианского Запада». Поэтому после петровских реформ «Европа Карла Великого очутилась

сразу же лицом к лицу с Европою Петра Великого»¹³. **Мы и сегодня продолжаем жить на кончике исторического процесса.** А если могут встретиться настоящий Восток и настоящий дальний Запад, то тем естественнее встреча между двумя частями единой европейской культуры.

Новое Возрождение, которое поведет к расцвету Европы, возможно только на основе независимости и свободы индивида. И надо полагать, Россия выстрадала необходимость этого принципа — в его чистом виде, взятом помимо конфессиональных, национальных, политических и идеологических форм. Необходимость этого принципа, как представляется, уяснена — как Западом, так и Востоком Европы.

Когда-то поляки перевели мою статью «Мыслимо ли европейское будущее России?» следующим образом: «Европа по Владивосток». Но в этом-то и состояла всемирно-историческая задача России — христианизация и европеизация Скифии-Сибири. Когда-то уйдя с Балтики на северо-восток, Русь-Россия вернулась с петровскими реформами назад на те же берега, имея уже за плечами невероятное и необъятное пространство сибирской Азии, освоенное и европеизированное, пусть пока и начерно, но тем не менее начало этому процессу было положено¹⁴. Разумеется, шло встречное влияние ориентализации европейской России. Но европейское начало в идее устройства России все же доминировало.

Стоит ли нам сегодня от этой задачи отказываться? Особенно в такой европейской (или способной сызнова европеизироваться) части нашей страны, как Калининградская область. Конечно же, претендовать на решение этой задачи философу или отдельно взятому политику — невозможно. Это задача не одного десятилетия. Но вот **пытаться держать проблему** — это возможно, это посильно и это чрезвычайно важно.

¹³ Тютчев Ф. И. *Россия и Германия* // Тютчев Ф. И. *Полн. собр. соч.* — СПб., 1913. — С. 441.

¹⁴ См. об этом: Мачинский Д. *Русско-шведский пра-Петербург* // *Шведы на берегах Невы.* — Стокгольм, 1998. — С. 16.